

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук, профессора кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» Лазаряна Сергея Степановича на диссертацию Хагажеева Мирбека Аслановича «Горские словесные суды Кубанской и Терской областей в судебной системе Российской империи в 1871-1918 гг.», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Диссертация М.А. Хагажеева представляет собой исследование, посвященное различным аспектам политико-правовых процессов, проходивших на Северном Кавказе в период инкорпорации края в состав Российской империи в течение последней трети XIX – начала XX вв., и является весомым вкладом в отечественное кавказоведение. Актуальность темы диссертации состоит в том, что исследуемые политические процессы и судебноправовые институты оказали существенное влияние на формирование современной политико-правовой культуры народов региона, способствовали сближению соционормативной традиции местного населения и универсалистской государственно-правовой системы, способствовали становлению социокультурной устойчивости северокавказских этнических сообществ в новых для них условиях существования в рамках многонациональной государственности, находившейся в стадии капиталистического развития.

В этой связи научное исследование политико-правовых процессов на Северном Кавказе в последней трети XIX – начала XX вв. имеет важное значение для формирования объективной исторической картины и преодоления негативных стереотипов, транслировавшихся из прошлого. Анализ широкого круга архивных документов и научной литературы с использованием современных подходов, утверждающихся в отечественной исторической науке, позволяет отобразить панорамную и более достоверную картину истории региона. При данном походе диссертация М.А. Хагажеева вносит существенный вклад в исследование всей гаммы постепенных изменений, происходивших в системе соционормативных институтов традиционных обществ Северного Кавказа, находившихся в условиях адаптации к государственным структурам Российской империи.

В ходе своей работы М.А. Хагажеев опирался на принципы объективности, системности и историзма, а его исследование основывается на проблемно-хронологическом подходе, статистическом, типологическом, ретроспективном и историко-сравнительном методах. Выполненная работа свидетельствует о свободном владении автором навыками самостоятельного научного анализа. Впечатляет источниковая база, структурированная по видовой принадлежности. М.А. Хагажеев выделяет и обстоятельно анализирует многочисленные архивные документы, нормативно-правовые, делопроизводственные, статистические, картографические материалы и публикации периодической печати. Все представленные источники соискатель разделил на части:

неопубликованные и опубликованные. В числе неопубликованных источников перечислены отдельные фонды и дела из архивохранилищ гг. Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Ставрополь, Нальчик, Владикавказ, Грозный. Опубликованные источники представлены различными сборниками архивных документов.

Производит положительное впечатление и перечень научной литературы, задействованной автором в своем исследовании. Представленные источники и историография вместе с методологическим обоснованием исследования обеспечили достоверность эмпирического материала и полученных результатов, а также позволили соискателю доказать свою эвристическую состоятельность.

Структура исследования логически выстроена и отвечает основным принципам структурирования подобного рода работ. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в общей сложности девять параграфов, заключения и списка источников и литературы.

Во введении обоснована актуальность темы диссертации, определены объект и предмет исследования, приведены сведения о степени разработанности проблемы, поставлены цели и задачи, охарактеризованы хронологические и территориальные рамки, описаны методология и примененные методы исследования, охарактеризована источниковая база, помещены тезисы о научной новизне, сформулированы выносимые на защиту положения, указаны теоретическая и практическая значимость, установлены степень достоверности и помещена информация об апробации основных результатов исследования, установлено соответствие работы паспорту научной специальности, сформировано представление о структуре диссертации. Потому структура введения рецензируемой диссертации возражений не вызывает.

Первая глава диссертации «Горские словесные суды Кубанской и Терской областей в 1871–1918 гг.: учреждение и особенности организации деятельности» и состоит из трёх параграфов. В них исследованы обстоятельства учреждения, структура и назначение горских словесных судов, их нормативно-правовое обеспечение, основывавшееся на нормах обычного и мусульманского права. Проанализированы основные подходы властей по определению штатной расстановки и численности служащих горских словесных судов, изучен порядок утверждения их в должностях.

Также определены локации размещения горских словесных судов в Кубанской и Терской областях, начавшие функционировать с января 1871 г. Характеризуя направленность и назначение деятельности означенных судов, подчеркивается, что к их подведомственности относилось не все население Кубанской и Терской областей, а только коренное «горское», которое составляло лишь часть от общей численности указанных территорий. За каждым из горских словесных судов закреплялся строго определенный перечень народов (в этой части диссертации приводятся сведения о подсудности тех или народов соответствующим горским словесным судам) (с. 54-72).

Вторая глава диссертации «Общие тенденции и локальные особенности деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей в

1871–1918 гг.» посвящена исследованию широкого круга разбираемых горскими словесными судами Кубанской и Терской областей дел: убийства, причинения ран и телесных повреждений, кража скота и имущества, похищение людей, изнасилования женщин, преступления против общественного порядка и т.п. Обращается внимание на то, что их подсудность по уголовным делам представляла собой динамичное явление, т.к. перечень категорий разбираемых дел постоянно менялся: некоторые из них с течением времени изымались из их компетенции, на смену им приходили новые. Также отмечается, что производство по гражданским делам было одним из основных направлений деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей и основной сферой применения норм обычного права и шариата.

Рассмотрена также деятельность горских словесных судов по урегулированию отношений опеки и попечительства, заверению, фиксации и учету сделок среди представителей подведомственного населения, удостоверению фактов гражданского состояния, имевших юридическое значение (рождения и смерти, признания отцовства), участие служащих горских словесных судов в качестве экспертов в социально и политически значимых мероприятиях. Эти названные полномочия дополняли основное назначение деятельности горских словесных судов, что позволяет видеть в них инструмент широкого социально-правового регулирования горской среды.

Третья глава диссертации «Особенности внешней коммуникации и признаки кризиса в деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей в 1871–1918 гг.» также состоит из двух параграфов. В них рассмотрено взаимодействие горских словесных судов Кубанской и Терской областей с органами государственной власти Российской империи. Установлено, что для отправления функций правосудия и осуществления дополнительных видов деятельности горские словесные суды названных областей взаимодействовали с широким кругом органов государственной власти, как с вышестоящим начальством, так и с не состоявшими с ними в административных отношениях. Начальство областей утверждало и в случае необходимости пересматривало решения словесных судов, участвовало в обсуждении вопросов разграничения подсудности по разным категориям дел, толковало порядок применения норм обычного и мусульманского права, особенности назначения наказаний в виде заключения под стражу и в тюрьму, осуществляло ситуативные уточнения их компетенции и т.п. Проанализированы особенности взаимодействия горских словесных судов с институтами местного самоуправления и народного правосудия и финансово-хозяйственное обеспечение их деятельности. Установлено, что отправление функций правосудия и осуществление дополнительных видов деятельности горских словесных судов реализовывалось в том числе и за счет их совместной скоординированной работы с институтами самоуправления: сельскими старшинами, сельскими (аульными) судами, неформальными народными судами, коллективами делегатов от населенных пунктов, общественными суммами и кассами и т.п. Кроме того, выявлены признаки нарастающего системного кризиса в деятельности горских словесных судов, которые проявлялись в том, что система

горских словесных судов перестала со временем отвечать потребностям местного населения в правосудии и не выдерживала конкуренцию с официальными судами; что стали часто передаваться судебные функции горских словесных судов вышестоящими инстанциями начальникам областей; что снижалась популярность и доверенность к названным судам среди местного населения.

В заключении подведены основные итоги исследования и сделаны выводы и обобщения. Основной вывод заключается в том, что горские словесные суды Кубанской и Терской областей в 1871–1918 гг. представляли собой судебные учреждения с элементами народного правосудия, образованные в качестве временной промежуточной меры в рамках судебной реформы 1864 г. Их образование было продолжением политики российских властей по учреждению в регионе органов суда и власти, основанных на принципах военно-народного управления, когда ведущие позиции в них занимали представители российского офицерства, а базовые – местного населения (на выборных началах). В целом, в имперской судебной системе они занимали местоназовых судебных учреждений и, выполняя функции правосудия и дополнительно занимаясь отдельными видами деятельности, являлись одним из основных механизмов инкорпорации местного населения в политико-правовое пространство Российской империи. Выводы и обобщения, приведенные в заключении, последовательно доказаны в содержательной части диссертации.

Вместе с тем, хотелось бы высказать некоторые замечания:

Во-первых, некоторого уточнения требует обоснование актуальности исследования. В соответствующем разделе диссертации соискатель увлекается объяснением сути, назначения, специфики и направленности деятельности горских словесных судов, учреждённых и действовавших в Кубанской и Терской областях на протяжении 1871–1917 гг., за которыми актуальность этого феномена выявлена недостаточно, чтобы характеризовать их в качестве средства, способного послужить прояснению объективной картины прошлого и преодолению негативных стереотипов в настоящем. Практика сосуществования горских словесных судов в общеимперской судебно-правовой системе не только интересна сама по себе, но и способна предложить определенные решения для современности, поскольку этнонациональные особенности и идентичность кавказских народов никуда не делась и не ослабла.

Во-вторых, в разделе степень научной разработанности проблемы указывается, что «некоторые аспекты деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей подвергались анализу как современниками описываемых событий (дореволюционными авторами), так и советскими и современными исследователями» (с.7). Указание на «дореволюционность» выглядит несколько устаревшим подходом, связанным с идеологемами советской историографии. Соискатель неоднократно использует это определение (с.9) и в дальнейшем по тексту диссертации. Указание на имперский период здесь видится более уместным, так как в таком варианте определение освобождается от идеологической коннотации.

В-третьих, некоторого уточнения требует выявление автором новизны исследования (с. 27-28), поскольку учреждение горских словесных судов опиралось на предыдущий опыт такого рода правосудия и правоприменения, начиная с времен Екатерины II и институтов военно-народного управления, инициированного князем А.И. Барятинским. Потому исследование особенностей и практики судопроизводства на территории Кубанской и Терской областей, хоть и действительно представляет свежее слово в кавказоведческих исследованиях, однако указание на то, что в ходе работы состоялось выявление особенностей исторически обусловленного транзита, реализовавшегося в период с 1871-1917 гг. было бы более весомым.

В-четвёртых, мне кажется, что в диссертационной работе недостаточно выявлена позиция имперских властей в отношении имманентного потенциала горской соционормативной культуры как инструмента или компонента поддержания традиционной витальности, как и в отношении исламской компоненты в составе горских словесных судов, при том, что автор очень подробно показал динамику развития адатного права и его взаимодействия с общеимперскими правоустанавливающими и правоприменительными механизмами. Универсалистское имперское право не могло в полной мере отражать особенностей горской традиционной соционормативной культуры и горской жизни по природе своей. Потому некоторые местные правовые практики сильно затрудняли внедрение в повседневную жизнь кавказских этносов юридические установления Российской империи и препятствовали позитивной инкорпорации в состав имперского сообщества. Исламское право (шариат) был частью исламского образа жизни и оставалось достаточно крепкой преградой против имперских новаций. Эффективность мусульманского права и кадиев в разрешении повседневных конфликтов в горских обществах, не только укрепляли доверие к ним и содействовали росту популярности среди горцев, но также способствовали росту влияния над умами горцев. Такое развитие ситуации должно было беспокоить имперских чиновников.

Государственные структуры, внедрявшиеся на Кавказе и повседневная общественная практика, связанная с капиталистическими отношениями, постепенно разрушали общинный быт этнических сообществ и ослабляли роль регулирующих функций обычного права после вхождения этнических элит и этнических масс в российскую государственную систему, снижалась их зависимость от адата, поскольку сужались рамки применения традиционных правовых институтов в рамках новых реалий, а самого адата как инструмента правового доминирования. С ослаблением адата российская сторона лишалась возможности использовать его в качестве средства сдерживания и оппозиции шариату в горской традиционной среде. В то же время как роль шариата почти оставалась неизменной, сохраняла способность оказывать конкуренцию имперским правовым установлениям и замедляла инкорпорацию этнических горских обществ в состав имперской государственности.

В-пятых, утверждение автора диссертационного исследования о том, что горские словесные суды были «одной из вариаций имперской судебной ре-

формы 1864 г., адаптированной под региональные реалии и особенности соционормативной культуры народов северокавказского региона» (с.3), кажется большим преувеличением. В Санкт-Петербурге, несмотря на долговременный опыт взаимодействия с Кавказом и опыт правового регулирования в крае (часто негативный для российских властей), не имели возможностей ясно предвидеть направления развития социополитической ситуации в кавказском крае, находившемся в состоянии социокультурной неприязни, выходявшей далеко за временные рамки 1864 г. Горские словесные суды никогда не мыслились в Санкт-Петербурге частью имперской правовой системы, в которую ни адат, ни шариат никак не могли быть вписаны по природе своей. Потому такие суды были учреждены и функционировали на основании особых временных правил. Скорее, горские словесные суды были временной и переходной формой (неким побочным продуктом) инструментального приспособления этнической горской среды к имперской соционормативной практике, неким промежуточным и этапным вариантом правового регулирования. Намерения России не простирались дальше того, чтобы горские словесные суды предоставили российской стороне возможность подготовить кавказские народы к встрече и привыканию к жизни в составе многонационального государства и, одновременно, самой привыкнуть и осознать, что кавказские народы сделались частью социокультурного и политико-правового пространства империи.

В-шестых, соискатель, отметил, что в «правоприменительную деятельность горских словесных судов Кубанской и Терской областей на протяжении всего периода функционирования постоянно сопровождало внедрение нововведений, связанных с изменениями имперской нормативной основы в области судопроизводства. Они во многом были связаны с реализацией реформ Александра II и контрреформ Александра III, уточнением компетенции действовавших судебных учреждений, толкованием нормативных актов и т.п.» (с. 49).

В данном пассаже, верном по своей сути, вызывает возражение только определение «контрреформы Александра III». Такая оценка была присуща специфике советских исторических исследований, которые опирались на догматику марксистской теории, в рамках которой трактовались социально-политические процессы рассматриваемого периода. Это не может быть приято в современных условиях в рамках теоретического обновления современной отечественной исторической науки, стремящейся избавляться от догматизма и принципа партийной односторонности. Император Александр III продолжал дело своего отца и не собирался с него сворачивать (он не сумел бы этого сделать, даже если захотел: слишком глубоко укоренились перемены в жизнь империи после 1860-х гг.). Действия Александра III были направлены на корректировку работы государственной машины: он исправлял то, что выявило со временем свою неэффективность в процессе общественной практики. Вменить «контрреформационные» действия ему можно было только в тогда, когда он отказался созывать представителей от земств и городов, чтобы обсуждать конституционный проект, разработанный под ру-

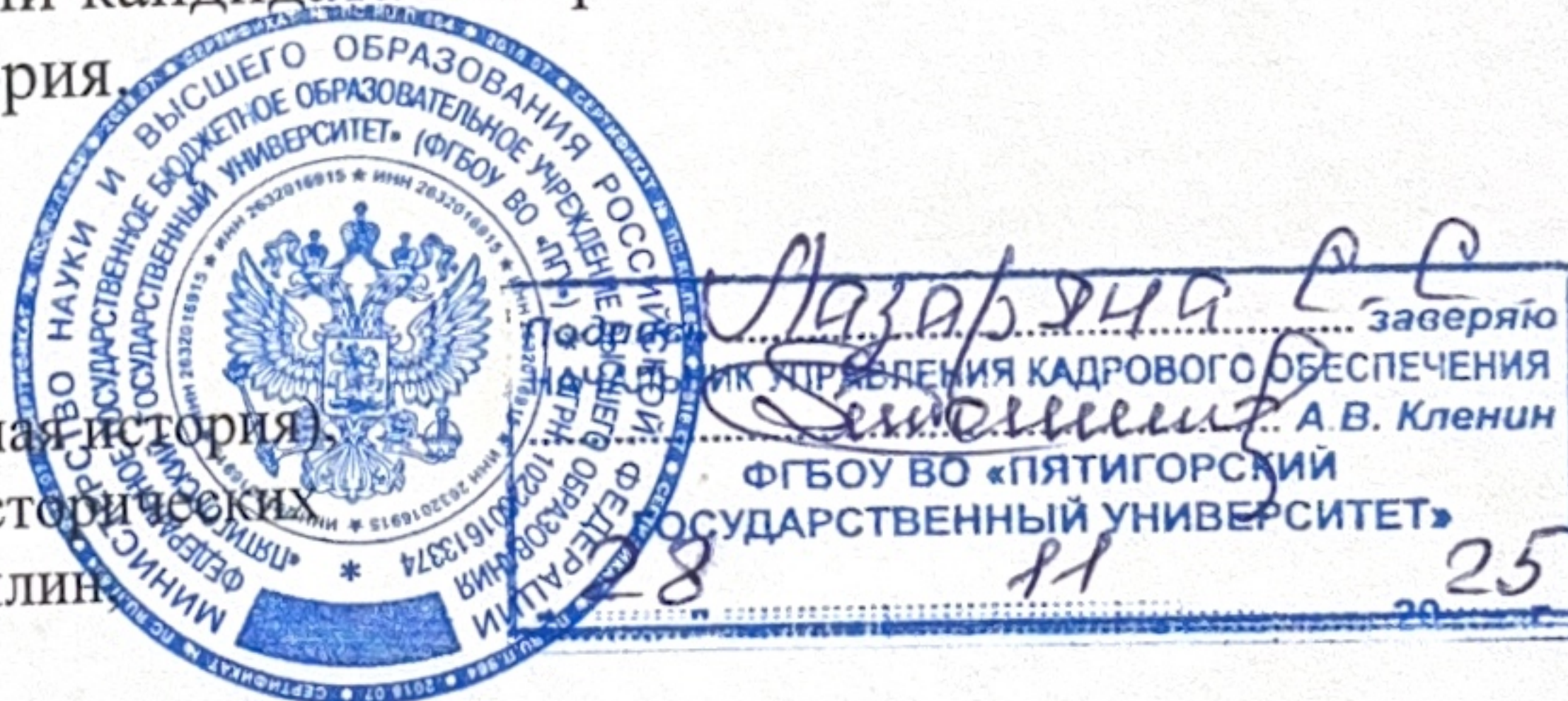
ководством М.Т. Лорис-Меликова. Царь пошел на такой шаг потому, что хорошо знал историю, чтобы игнорировать её опыт. Александр III помнил судьбу французского короля Людовика XVI, согласившегося собрать Генеральные штаты, после чего потерял власть, страну и голову. Русский император этого допустить не мог и тем самым продлил существование империи и мира в стране, что, с точки зрения бывшей советского подхода, было реакционным деянием, вставшим на пути прогресса, скоро проявившего свою сущность уже в кровавых эксцессах 1905-1907 гг. и 1917 г.

Однако, эти замечания не являются критическими для данного исследования, не влияют на общее положительное впечатление от проделанной работы и могут восприниматься в качестве рекомендаций.

Автореферат отражает основное содержание диссертации. Сведения, приведённые в нем в качестве реферируемого материала, не вызывают возражений. Основные выводы и обобщения диссертации опубликованы в 7 научных работах, 3 из которых – в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ. Публикации соответствуют теме диссертационного исследования.

Таким образом, кандидатская диссертация «Горские словесные суды Кубанской и Терской областей в судебной системе Российской империи в 1871-1918 гг.» представляет собой самостоятельное завершённое научное исследование по актуальной проблеме современного кавказоведения, обладающее новизной, теоретической и практической значимостью. Работа выполнена в рамках паспорта научной специальности 5.6.1. Отечественная история и соответствует пп. 9–11, 13–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в действующей редакции). Мирбек Асланович Хагажеев заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук
(специальность 5.6.1. Отечественная история),
профессор, профессор кафедры исторических
и социально-философских дисциплин
востоковедения и теологии
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный
университет» (г. Пятигорск)

Лазарян Сергей Степанович

28.11.2025 г.

Контактная информация:

357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, 9, а. 501.

Тел.: 8 (8793) 400-352

e-mail: aflost@yandex.ru

Сведения об организации, заверившей отзыв:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет», 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, д. 9, телефон: +7(8793) 40-00-0, e-mail: info@pgu.ru